

творству, что и византийцы».³⁴ Однако в силу своеобразия культуры, с одной стороны, и, может быть, в силу редкости у славян греческого образования, с другой, церковнославянское стихотворчество не получило у них широкого распространения. Изменения же, происходившие со временем в языке (падение редуцированных), приводили к тому, что для читателей метр у этих стихов исчезал.

Итак, отнюдь не все правила и достижения византийской гимнографии по-настоящему перешагнули языковой барьер. Потери при переходе от греческого языка к славянскому были большими (или лучше, может быть, сказать, достижения были меньшими), чем при переходе от еврейского и сирийского языков к греческому (не оказалось нового Романа Сладкопевца! Или форма уже достигла предела своего совершенства, своего «потолка»). Однако же говорить о славяноязычных гимнах и молитвах просто как о прозаических³⁵ или даже ритмико-прозаических представляется чрезмерно упрощенным. Гимнография накопила такие богатства — как в плане идейно-образном, так и в стилистике, ритмике, в способах строения текста, в палитре интонаций, наконец, во вместимости, емкости смысла и чувства, — что утрата ею у славян некоторой изощренности формы не могла существенно изменить природу самого жанра. Да, измерение длины строчек славяноязычных гимнов и молитв не дает, как правило, возможности прийти к выводу, что это поэзия, но чтение — дает: «... чтобы текст мог функционировать как поэтический, нужно присутствие в сознании читателя ожидания поэзии, признания ее возможности, а в тексте — определенных сигналов, которые позволили бы признать этот текст стихотворным».³⁶

Что касается сигналов, то интересную характеристику славянских церковно-поэтических текстов дал в этом отношении К. Тарановский. «Молитвословный стих (так он называет эту поэтическую форму, — Г. П.) — это свободный несиллабический стих целого ряда церковных молитв и славословий, обнаруживающий наиболее четкую ритмическую структуру в акафистах ... Основным определителем молитвословного стиха является система ритмических сигналов, отмечающих начало строк. В первую очередь в этой функции выступают две грамматические формы — звательная форма и повелительное наклонение ... Другим средством маркирования начала строки в молитвословном стихе является синтаксическая инверсия ... Особой важностью начального сигнала объясняется тяготение этого стиха к анафорическим повторам и к акростиху ... Вообще, синтаксический параллелизм в молитвословном стихе является основным структурным приемом в организации текста». «Именно в синтаксическом параллелизме следует усматривать связь молитвословного стиха с библейским».³⁷

Эта характеристика (я думаю, далеко не исчерпывающая) может, кажется, быть отнесена к гимнографии и эвхографии в целом, ибо она

³⁴ А. И. Соболевский. Церковнославянские стихотворения конца IX—начала X веков и их значение для изучения церковнославянского языка. — Труды XI археологического съезда в Киеве, 1899, т. II, М., 1902, стр. 28.

³⁵ Например: «Различие греческих служб от произведений русских песнописцев состоит в том, что первые написаны языком мерным, приспособленным к пению, напротив того, последние — простою прозою» (Исторический обзор богослужебных книг греко-российской церкви, стр. 78).

³⁶ Ю. М. Лотман. Анализ поэтического текста. Л., 1972, стр. 54.

³⁷ К. Тарановский. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI—XIII в. — American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists. Vol. 1, Mouton, Paris, 1968, pp. 377—379 and fn. 4 on p. 379.